

Патоличев – Зимянин: неудавшаяся замена

(Окончание. Начало в № 9 за 2016 год)

Оказавшись между стенкой реалий и скамейкой новых требований, да еще столь неожиданных и жестких, участники проходившего 25–26 июня 1953 года пленума ЦК КПБ пребывали в некотором недоумении. Тем не менее не торопились все сваливать на одного человека, хотя его имя было названо в постановлении союзного ЦК: с руководством они вовсе не собирались портить отношения. Это обозначилось с первых же выступлений по докладу, обсуждение которого началось назавтра, 26 июня, в 12 часов дня. Вечер, скорее всего, был использован для частного обсуждения свалившихся на голову обстоятельств...

Первым выступил В.Е. Лобанок – партийный руководитель Полесской области, центром которой был город Мозырь. Человек авторитетный, Герой Советского Союза, во время Великой Отечественной войны командовавший Лепельско-Полоцкой партизанской зоной, единственный из партизанских командиров награжденный полководческим орденом имени Суворова. Свою речь он построил на констатации того, что ученики в Мозыре разговаривают по-белорусски, а учителя по-русски, что белорусские школы находятся на окраинах города, предъявил претензии к писателям – редкие гости, к управлению кинематографии Министерства культуры – поздно прислали в область фильм «Паўлінка» на белорусском языке, к Академии наук – в области никакой работы она не ведет, все не изучены вопросы племенного дела в животноводстве. Отметил, что ЦК КПБ и Совет Министров «шаблонно» руководят областями, а обком и облисполком, райкомы и райисполкомы области столь же неконкретно руководят сельским хозяйством. Потому плохо используются торфяники, плохо ведется мелиорация, плохо работают МТС. При этом о Патоличеве он не упомянул ни разу.

Вторым на трибуну вышел первый секретарь Брестского обкома партии Т.Я. Киселев и продемонстрировал тот же подход. Да, мало местных кадров. Да, низкие урожаи. В Антопольском районе на трудодень выдано только по 100 граммов сена. ЦК и Совет Министров БССР не уделяли должного внимания качественным показателям. Министерство просвещения направляет на работу в область людей, которые не знают белорусского языка, учителя выступают перед колхозниками на русском. О Патоличеве – ни слова.

Заместитель министра сельского хозяйства и заготовок М.П. Бренч тоже отметил, что существенных сдвигов в экономике нет, что правительство мало занимается технической базой сельского хозяйства, что недобор зерна составил около 12 млн пудов, что мало товаров, что большие простои тракторов. И тоже не вспомнил о снимаемом первом секретаре ЦК.

С живостью было воспринято выступление Якуба Коласа. Он говорил, что на дорогах не увидишь надписей на белорусском языке, что белорусский язык изгнала даже Академия наук. Позвонил как-то в издательство и спросил: «Гэта Дзяржвыдавецтва?». В ответ услышал: «Нет, это Госиздат». Разнобой в правописании. Работников «Звезды» надо сечь розгами, у них «роковая любовь» превратилась при переводе на белорусский в «ракавае каханне». В зале смех. О Патоличеве также промолчал. Не упомянул классик даже о постановлении, из-за которого собрался пленум.

Министр Госконтроля А.Ф. Куликов говорил о проблемах кредитования колхозов, секретарь Гомельского обкома партии З.М. Голодушко – о кормовой базе и внесении удобрений, министр просвещения И.М. Ильюшин – об издании белорусских учебников, первый секретарь Пинского обкома партии Р.Н. Мочульский, тоже Герой

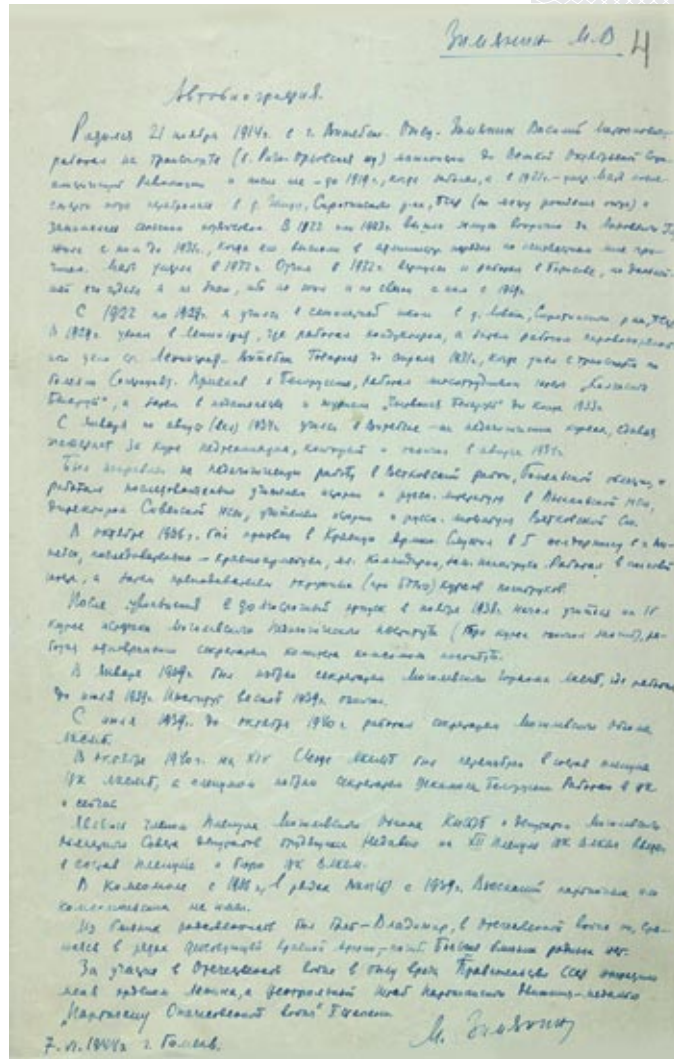
Советского Союза – под смех зала сообщил, что из восьми заведующих отделами обкома только один белорус, да и тот из Могилева. Никто из них не сказал, что в чем-то виноват Патоличев, которого предстояло освободить от должности первого секретаря.

Девятым на трибуну вышел сам Н.С. Патоличев. Он не мог не понимать: это молчание – за него. Признав, что постановление ЦК КПСС «правильно вскрывает в Белоруссии наличие крупных извращений ленинско-сталинской политики нашей партии, недостатки и ошибки в работе Центрального Комитета и Совета Министров Белоруссии в руководстве колхозным строительством», без чего обойтись было никак нельзя, кое о чем все-таки напомнил собравшимся в зале.

Во-первых, что отнюдь не он начал «практику посылки работников из восточных областей и других республик Советского Союза, сделав эту форму исключительной». Она «проводилась все годы, начиная от воссоединения Западной Белоруссии», не от хорошей жизни – других кадров там попросту не было. Иное дело, «какая была необходимость даже низовой аппарат подбирать не из людей некоренной национальности».

Во-вторых, признал, что в самом деле «национальный момент при подборе руководящих кадров, да и не только руководящих, потерялся и в расчет почти никогда не принимался». И если «в составе министерств, заместителей председателя Совета Министров, первых секретарей обкомов партии, председателей облисполкомов все же большинство белорусов, в этом никакой заслуги Центрального Комитета нет. Это сложилось произвольно. У нас есть большая группа руководящих работников, о которых трудно сказать, если не посмотреть в анкетные данные, кто они по национальности – белорусы или не белорусы». Никто против такой ситуации не возражал, поскольку она устраивала всех и делу не мешала, речь шла о деловых качествах.

В-третьих, отметил, что делопроизводство в государственном аппарате было переведено на русский язык не по его команде, а «одни говорят... в 1936 году, другие, что в 1937». В самом деле, преподавание в вузах стало вестись на русском языке, количество белорусских школ сократилось, и «руководящие работники в этом деле показывали

плохой пример – они своих детей учили не в белорусских школах». Но, «к великому сожалению, ни в Центральном Комитете КП Белоруссии, ни в Совете Министров республики не оказалось среди нас такого человека, который бы хоть в какой-то степени, хоть в какой-то форме предостерегал Центральный Комитет от таких ошибок». В том числе среди тех людей, которые «вместе со мной эти три года работали и возглавляли Компартию». В последних словах содержался явный намек на Зимянина, который всего несколько месяцев назад был вторым секретарем ЦК, а также на то, что сам он, человек приезжий, полагался на местные кадры, которые лучше знают настроения населения.

Состояние дел в агрокомплексе Н.С. Патоличев охарактеризовал так: «ликвиди-

▲ Автобиография М.В. Зимянина. 1944 год (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 87. Д. 573. Л. 4).

рована отсталость сельского хозяйства в области механизации», тракторов стало в три раза больше, чем было три года назад, комбайнов – в 15 раз. Осуществлено «решительное улучшение дела осушения болот и заболоченных земель». Количество коров возросло со 100 тысяч до 335 тысяч. Пока низкая урожайность, но выдача зерна на трудодень увеличилась с 400 граммов в 1949 году до 1 килограмма в 1952-м. В основном завершена коллективизация в западных областях. Почти полностью ликвидирован бандитизм и обеспечена безопасность населения. Напомнил Патолічев и о том, что до БССР он работал «в одной из крупнейших зерновых областей страны, где валовые сборы хлеба значительно превосходят Белоруссию, где культура земледелия и степень механизации работ на несравненно более высоком уровне», и ему «искренне хотелось сделать так, чтобы это все имела и Белоруссия». Тем самым он напоминал участникам пленума о том, что прибыл в Беларусь с опытом, которого не было у местных кадров.

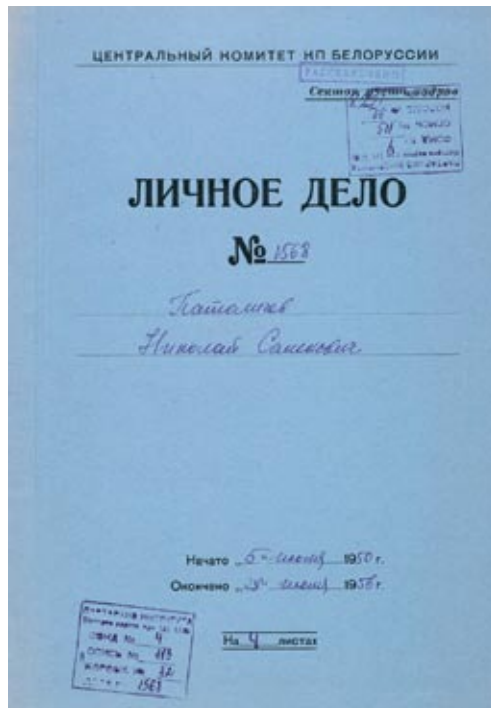
Подчеркнув, «по воле партии я приехал в Белоруссию, по воле партии уезжаю», Н.С. Патолічев заявил: «После трех лет работы в Белоруссии, после того, что мы сделали положительного», несмотря на от-

меченные ЦК недостатки, ему «не стыдно смотреть в глаза участникам настоящего пленума». Да, «нелегка роль первого секретаря во всех этих делах, тем более, что не всегда я находил нужную поддержку в выдвигаемых мною вопросах». Да, прав Зимянин, «в работе Центрального Комитета не было нужной коллегиальности», так как «это в Белоруссии пока трудный вопрос», но он «прилагал все силы, чтобы нормально и дружно работать, правда, на шею себе садиться не давал».

Выступление Н.С. Патолічева было встречено долгими аплодисментами, что стало прямым сигналом, в чью сторону клонятся настроения в зале. Был объявлен пятнадцатиминутный перерыв, во время которого, скорее всего, и подходил к нему Якуб Колас, жал руку, говорил добрые слова. А после перерыва неприятный звонок прозвучал для Зимянина. Первый секретарь Волковысского райкома партии А.Ф. Бурлаков напомнил, что не так давно проблему ремонта тракторов в Репляковской МТС он не мог решить даже после того, как обратился к главе правительства А.Е. Клещеву, а потом – второму секретарю ЦК М.В. Зимянину. О Патолічеве и этот оратор не сказал ни слова.

Дальше все-таки произошло то, что планировалось, чего ожидали и, не исключено, к чему были внутренне готовы участники пленума. Председатель Госплана БССР И.Л. Черный выступил с прямой критикой Патолічева, и дальнейшие прения получили уже два направления. Одни ораторы продолжили концентрироваться на самобичевании и на внутренних проблемах своих ведомств и территорий. Так поступили руководитель Союза писателей П.У. Бровка, высказавший пожелание литераторам больше помогать партии своими романами, повестями, поэмами, очерками, заместитель председателя Совета Министров В.Г. Кудряев, сетовавший, что республика не справилась с планами сева, первый секретарь Минского горкома КПБ И.Д. Варвашеня, жаловавшийся на недостаток кадров в отделе культуры горкома, прокурор БССР А.Г. Бондарь, говоривший о незаконных штрафах, жалобах граждан, главный режиссер столичного театра оперы и балета Л.П. Александровская, упрекнувшая республиканские газеты, что не пишут о театрах. Патолічева никто из них

► Личное дело
Н.С. Патолічева
(НАРБ. Ф. 4. Оп. 113.
Д. 1568).

не упомянул. А первый секретарь Минского обкома партии К.Т. Мазуров, говоря о виновных в искажении национальной политики, назвал сначала себя, лишь потом первого секретаря ЦК.

Для других выступавших главным объектом критики стал именно И.Л. Черный. Притом остракизму он подвергся еще будучи на трибуне, хотя упреки, высказанные Черным в адрес Патолічева, были не такими уж и острыми. Он счел неправильным сравнивать 1952–1953 годы с первыми послевоенными, а тем более с 1939-м, когда были воссоединены белорусские территории, и по наличию кадров, и по оплате на трудовень. Ошибкой, по его мнению, стал перевод в ЦК КПБ С.О. Притыцкого, который до этого был первым секретарем Гродненского обкома партии – единственным партийным работником столь высокого ранга из так называемых «западников», а также освобождение белоруса К.П. Санникова от должности художественного руководителя академического театра имени Янки Купалы. Не стоило передавать некоторые предприятия в союзное подчинение, а главное – Патолічев не создал «належащих умоў для больш шырокага разгортвання крытыкі недахопаў», потому члены бюро не занимались «аналізаі вынікаў сельскагаспадарчай вытворчасці па важнейшых паказчыках – ураджайнасці, прадукцыйнасці, вытворчасці працы, даходаў калгаснікаў, калгасаў... У апошні час нават на пленумах і бюро ЦК гэтыя пытанні не былі прадметам глыбокага вывучэння». Из зала сразу прозвучал вопрос ему самому: «А дзе Вы раней былі?».

После своего выступления И.Л. Черный стал для Патолічева своеобразным громом отводом. На выпады председателя Госплана резко отреагировал первый секретарь Могилевского обкома партии С.И. Сикорский. Сергей Иванович слыл человеком прямым. Будучи во время войны командиром Брестского партизанского соединения, в дни тяжелых боев вдоль Днепровско-Бугского канала слал в Центральный и Белорусский штабы партизанского движения нелицеприятные радиogramмы, потому, как утверждают, стал единственным из партизанских командиров такого ранга, не получившим генеральских отличий, хотя звания Героя Советского Союза был удостоен. Он и задал И.Л. Черному свои вопросы: «Ты

▲ Личный листок по учету кадров М.В. Зимианина (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 87. Д. 573. Л. 2).

не радавы работнік... Ты з'яўляешся старшынёй Дзяржаўнай планавай камісіі, ты з'яўляешся намеснікам Старшыні Савета Міністраў, дык чаму ты тры гады як быццам сядзеў недзе на ўскраіне, нічога не бачыў, што робіцца пад кіраўніцтвам тав. Патолічава. А нам, сакратарам, вядома, што ты быў у тав. Патолічава на першым рахунку і цябе неаднаразова тав. Патолічаў хваліў... Ты можа ў заблуджэнні ўводзіў тав. Патолічава?... Чаго ж ты пасля таго, як факт састаяўся, ЦК КПСС зрабіў арганізацыйныя вынікі, ты толькі цяпер набраўся смеласці і з гэтай трыбуны ллеш усю грязь на тав. Патолічава?». Аплодисменты засведетельствавалі, што такую точку зрэння в зале раздзяляюць очень многіе.

Сикорского поддержал заместитель председателя Совета Министров БССР П.А. Абрасимов. Коснувшись переподчинения предприятий, он заметил, что это дела-

лось «пасля абмеркавання гэтых рашэнняў на бюро ЦК КПБ», што в союзным падчынены гэтыя невялікія заводы «ў бліжэйшыя гады стануць буйнымі прадпрыемствамі з буйнымі ўкладаннямі», што ўсё пойдзе на карысць тым гарадам, у якіх яны размешчаны. Яшчэ нелицепрыятней выказаўся першы сакратар Гродзенскага абкома партыі Н.Е. Авхимович: «Мы тав. Чорнага ведаем 15 год... Яго сённяшняе выступленне было падобна таму, як ён выступаў, калі адыходзіў ад нас т. Панамарэнка, калі адыходзіў т. Гусараў... У нас у Беларускай партыйнай арганізацыі ёсць людзі, якія носяць па-ветру». В тое часе нельга сказаць, «што партыйная арганізацыя Беларусі да тав. Патолічава дрэнна адносіцца і што тав. Патолічаў мала карыснага зрабіў у партыйнай арганізацыі. Гэта не так, гэта было б несправядліва, гэта нячэсна».

В першы дзень прэній, а яны доўжыліся 11 гадзін вечара, выступіло дваццаць чалавек. Ніхто, акрамя Чорнага, Н.С. Патолічава больш не крытыкаваў. І ніхто не высказаў адобрення па паведамленні аб вяртанні на кіруючую работу ў Мінск Зімяніна. Пачынаючы з гэтага, гаворыць аб «звароты ў нацыянальную палітыку», як было сказана ў абмяркоўваным рашэнні, у тое часе ўперне твэрдылі аб дружбе народаў, аб тым, што яна з'яўляецца рухавіком у вялікай дзяржаве, аб вялікай рускай народзе, аб велікай дапамозе, якую яна аказвае БССР. Як праз многі гады пісаў Патолічев, «ісправленне» нацыянальнай палітыкі ў Беларускай рэспубліцы, прапанаванае тым рашэннем, здзіўляе, пераважна, беларусаў. Пад занавес дзень быў створаны камісія па падрыхтоўцы рашэння пленума. У яе ўвайшоў сорок чалавек, у іх ліку былі Зімянін, Якуб Колас і, як ні дзіўна, Патолічев, аб якім гаворылі, што ён адзіцца ў Маскву.

Разумеецца, што, ідучы ў пленум, тайна для саюзных партыйных кіраўнікоў не была. Аднак і ў Маскве таксама здарылася вельмі важнае падзея, і ўвечары наступілі тры тэлефонныя званкі ў Мінск: два Патолічэву – ад Маленкова і Хрушчова, адзін Зімяніну – ад Маленкова. Патолічэву паведавалі, што арыштаваны Берія, аднак патрабавалі не разгаварваць аб гэтым у афіцыйнай публікацыі ў прэсе і даць зразумець, што не будуць настаіваць на яго зняцці з пасады

першага сакратара ЦК КПБ. С Зімяніным размова была іншая: «Слушайце, у нас тут абставіны складваюцца так, што мы пасоветаваліся і рашылі: а не пакінуць нам Патолічава ў Беларусі...». Аб арысте Беріі яму сказана не было. Праз многі гады Зімянін прызнаваўся: «Мне невядома было, што ў гэты дзень, 26 чэрвеня, арыштавалі Берію». Значыць, абставіны змяніліся ў чым-то іншым. У любым выпадку яму прыйшлося гатовацца да яшчэ аднаго выступлення на пленуме, пры гэтым сказаць прыйшлося тое, што яшчэ суткі назад не магло прысниться і ў кошмарным сне.

Назавтра прэнія доўжыліся ў прэжнім ключы. Дырэктар Інстытута гісторыі партыі Ф.А. Новікова, начальнік Мінскай жалезнай дарогі Г.І. Котяж, першы сакратар Баранавіцкага абкома партыі І.Ф. Клімов, міністр сельскага гаспадарства і заготовок С.С. Костюк, першы сакратар Маладзечненскага абкома партыі В.Г. Доркін гаворылі аб праблемах ввераных ім апрамляў і тэрыторый. Правда, В.Г. Доркін і Ф.А. Новікова прайшлі і па І.Л. Чорнаму. Доркін адзначыў, што «тов. Чорны выступае вельмі рашуча» толькі тады, калі ўжо рашыла кіраванне. Ф.А. Новікова назвала паводзіны Чорнага нечэснымі.

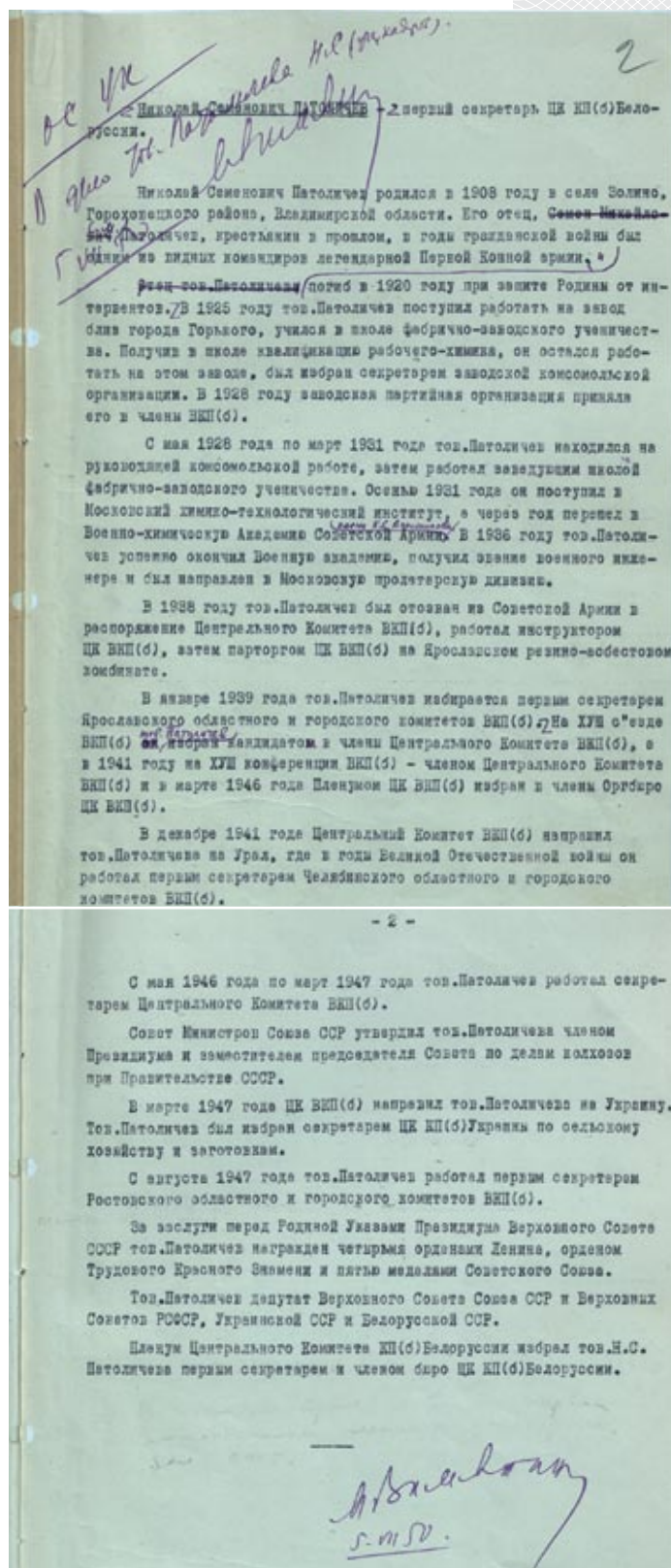
Рэзка быў і кіраўнік Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР В.І. Козлов. Згодзіўшыся, што «мы дапускалі шмат памылак і недахопаў», што Патолічев мог сказаць аб іх больш падрабязна, асабліва «як працавалі члены бюро », тав. Чорнаму заявіў: «Тав. Патолічаў, працуючы першым сакратаром ЦК КПБ, многі ўклад аказаў энергіі і сілы па развіццю прамысловасці і сельскай гаспадаркі», а «выступленне тав. Чорнага было дэмагагічным», ён праявіў неўважлівае «ў адносінах да таварыша Патолічава, які гэтага не заслугоўвае». Пры кожным выпадку ў адрас кіраўнікоў Госплана ў зале раздаваліся голасы «Правільна!» і апладысмэнты.

Дарэчы прозвучала і рэч першага сакратара Дзержынскага РК КПБ Д.М. Лемешонка, які адразу ж звязваў, мол, «толькі зараз на гэтым пленуме, калі нас вельмі моцна паправіў ЦК КПСС, амаль усе пачалі гаварыць на сваёй роднай мове», а вельмі тады міністр асветы вядома не «пушчае сваіх дзяцей у беларускую школу». Згодзіўшыся, што ў гэтым вінаваты

главным образом ЦК, и «ў першую чаргу т.т. Патолічаў, Зімянін, Гарбуноў», он все же заявил, что Николай Семенович «много зрабіў для нашай рэспублікі, і мы за гэта яго любім». Спросив у главы Госплана, почему он раньше молчал о тех ошибках, о которых рассказывал с этой трибуны, почему на предыдущих пленумах не выступал, Лемешонок констатировал: «Калі б у гэтым рашэнні было б запісана і аб т. Зімяніне, і аб т. Кляшчове, як аб Патолічаве, дык ён бы, тав. Чорны, можа яшчэ мудрай раскладваў бы і т. Зімяніна, і т. Кляшчова». Несколько раз в зале раздавался смех, а аплодисменты стали еще громче после слов, «з такімі Чорнымі трэба скончыць, пара ўжо».

Завершал прения по докладу секретарь ЦК КПБ Т.С. Горбунов. По его выступлению трудно сказать, поделился ли с ним Патолічев новостями из Москвы – об аресте Берии и о том, что решение о его освобождении от должности первого секретаря ЦК КПБ может быть изменено. Похоже, Тихон Сазонович и сам позаботился, чтобы из его слов такая ясность не вытекала. Отметив «важное значение постановления для белорусского народа», без чего обойтись было нельзя, Горбунов подчеркнул, что Патолічеву от ЦК КПСС «досталось очень здорово, к нам же – членам бюро – Центральный Комитет подошел милостиво, доверил нам исправление допущенных ошибок». Сделав небольшой укол Николаю Семеновичу, мол, в своем выступлении он «должен был глубже проанализировать отмененные промахи» и даже «помочь нам наметить пути для дальнейшего подъема организационно-партийной и политической работы», Горбунов вызвал одобрение зала, сказав: «За три года работы товарища Патолічева в Белоруссии, за три года, когда он находился во главе Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии, сделано многое в области дальнейшего развития промышленности республики, строительства городов, развития культуры Советской Белоруссии. И теперь, когда товарищ Патолічев освобождается решением ЦК от обязанностей первого секретаря ЦК, чернить нам его работу – это было бы большим позором для Коммунистической партии Белоруссии».

Неожиданно из уст Горбунова прозвучала резкая критика в адрес председателя Совета Министров А.Е. Клещева – за непоследовательность, двойственность, за

▲ Характеристика на Н.С. Патолічева, подписанная М.В. Зімяніным (НАРБ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 1568. Л. 2–3).

то, что опорой делает таких людей, как Черный – он «может вас подвести, и вам от этого не поздоровится». По этим словам можно сделать предположение: Горбунов знал о благоприятном для Патолічева развороте событий.

Возгласами «Правильно!» было встречено и суждение Т.С. Горбунова о том, что ошибки с использованием белорусского языка нужно исправлять без торопливости, дабы не наделать новых, что «мы и впредь будем изучать русский язык, русскую культуру», что «и дальше будем приглашать русских деятелей искусства, науки для помощи Белоруссии». А главный режиссер театра имени Янки Купалы Санников освобожден от должности «по просьбе всего творческого коллектива театра, он не справлялся со своими обязанностями», на его место назначен русский, известный мастер Судаков, чем коллектив очень доволен. Аплодисментов и одобрительных возгласов Горбунов получил больше всех.

После двадцатиминутного перерыва на трибуну снова вышел М.В. Зимянин. Отметив, что «пленум ЦК КПБ правильна ўспрыняў крытыку нашых памылак і недахопаў», добавил, что виноват в них не только Патолічев, так как за ошибки «нясем адказнасць усе мы, Цэнтральны Камітэт, яго бюро, яго сакратары і таварыш Патолічаў, і тав. Зімянін, хоць апошні два месяцы не быў сакратаром ЦК КПБ, але гэта невялікі тэрмін, каб уйсці ад адказнасці». После ритуальных слов о том, что «беларуская партыйная арганізацыя баяздольная,

згуртаваная вакол Цэнтральнага Камітэта і ўрада СССР, і яна зробіць усё неабходнае, каб з часцю выканаць пастанову ЦК КПСС і правесці яе ў жыццё», прозвучало главное: «Правільна ўспрымаючы крытыку гэтых памылак з боку Цэнтральнага Камітэта КПСС, члены ЦК КПБ, удзельнікі пленума выказалі і правільныя адносіны да першага сакратара Цэнтральнага Камітэта КПБ тав. Патолічава... Тав. Патолічаў... правёў значную работу па кіраўніцтву партыйнай арганізацыяй і культурным будаўніцтвам рэспублікі і заслугоўвае правільных да сябе адносін». Затем Зимянин предложил «прасіць ЦК КПСС перагледзець той пункт пастановы ЦК ад 12 чэрвеня, які датычыць тав. Патолічава, і пакінуць яго першым сакратаром ЦК КПБ». Реакцией зала на эти слова, отмечено в стенограмме, стали продолжительные аплодисменты.

Председательствующий П.А. Абрахимов сразу же поставил вопрос на голосование. Члены ЦК единодушно высказались «за». Вот как о том моменте вспоминал сам Н.С. Патолічев: «Весь зал встал. Сажу я один. Сажу потому, что не в состоянии подняться». Абрахимов тут же предложил «даручыць старшынстваваць на пленуме тав. Патолічаву». Вновь, как отмечает стенограмма, раздались «працяглыя апладысменты, тав. Патолічаў займае месца старшынствуючага». И сразу же говорит, что «необходимо разрешить еще ряд организационных вопросов». От имени бюро ЦК КПБ предлагает «в связи с необходимостью укрепления руководства Совета Министров БССР рекомендовать на должность председателя Совета Министров Белорусской ССР тов. Зимянина (продолжительные аплодисменты) и освободить от должности Председателя Совета Министров Белорусской ССР тов. Клещева с командированием его на учебу». Логика проста: Зимянин приехал сюда исправлять недостатки, о которых говорилось в постановлении ЦК КПСС, пусть и берется за дело, тем более, что ситуация в республике ему знакома. За это пленум тоже проголосовал единодушно.

О том, как события развивались дальше, М.В. Зимянин позднее рассказал в публикации в журнале «Нёман»: «Поздно вечером захожу к Патолічеву. Поздравил его, а потом спрашиваю: «Будьте добры, скажите, говорили ли вы с Хрущевым? Что означают подобные повороты?»

▼ Партийный актив БССР со своим лидером Н.С. Патолічевым. Слева от него – Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. 1950-е годы

– А разве ты не знаешь? Берия арестован. В этом весь вопрос!

– Николай Семенович, будем считать наш разговор законченным. Желаю вам успехов, а сам, с вашего разрешения, завтра уезжаю в Москву. Надеюсь, что здесь я с вами больше не встречу».

Приведенный диалог примечателен последней фразой, ведь пожелание никогда не встречаться в Минске значило, что приступить к обязанностям главы правительства БССР Зимянин не собирался. В Москве в секретариате Хрущева попросил «доложить Центральному Комитету о моей просьбе: разрешить мне вернуться в Москву». Вскоре он снова принял Четвертый европейский отдел МИДа, которым в его отсутствие руководил Ю.В. Андропов. Точку в рекомендации Зимянина на должность председателя Совета Министров БССР поставил очередной пленум ЦК КПБ. Он состоялся 24 июля 1953 года и принял два решения, касающиеся Зимянина. Одно гласило: «Отменить постановление IV пленума ЦК КПБ о рекомендации т. Зимянина М.В. на пост председателя Совета Министров БССР». В протоколе пленума содержится разъяснение: «ЦК КПСС счел нецелесообразным посылать тов. Зимянина в Белоруссию в качестве председателя Совета Министров БССР, хотя была, как известно, просьба пленума ЦК, и направил его на работу в Министерство иностранных дел». Одновременно он был освобожден от обязанностей второго секретаря и члена бюро ЦК, «поскольку это не было сделано на прошлом пленуме».

Тогда же был решен вопрос о главе белорусского правительства. По согласованию с ЦК КПСС на эту должность бюро ЦК КПБ рекомендовало «т. Мазурова, нынешнего первого секретаря Минского обкома». Решение «утвердить т. Мазурова Кирилла Трофимовича председателем Совета Министров БССР» было единогласным. Отозванного в Москву М.И. Баскакова восстановили в должности министра внутренних дел БССР и избрали членом бюро ЦК КПБ. Пробывший несколько недель министром М.Ф. Дечко стал его первым заместителем. А 17 августа 1953 года бюро ЦК КПБ рассмотрело вопрос «О лишении Л.П. Берия полномочий депутата Верховного Совета БССР». Было и такое звание у «лубянского маршала».

Спустя много лет Зимянин говорил о том, что тогда он оказался игрушкой в руках не только Берии, но и Хрущева, которому, дескать, было не жалко Зимянина, ведь он являлся любимым учеником десяти лет руководившего БССР Пантелеймона Пономаренко, заметившего в Могилеве подвижного паренька и вырастившего его до секретаря ЦК КПБ. А с Патоличевым у Никиты Сергеевича, наоборот, мол, были хорошие отношения, вместе с ним они работали на Украине, интриговали против Кагановича. Направляя Зимянина в Минск, вспоминал потом Михаил Васильевич в беседе с корреспондентом «Звезды», Хрущев не случайно советовал не торопиться, тянул время, чтобы замена не состоялась до ареста Берии.

Насколько сказанное соответствует действительности, теперь уточнить невозможно. Конечно же, операция против Берии готовилась не один день, и жертвы в ходе нее не исключались. Тянул ли Хрущев время? Возможно. Ведь, если бы речь шла о быстрой замене Патоличева на Зимянина, то это можно было сделать в первый же день пленума и уже потом вести обсуждение задач, записанных в постановлении. Да и приглашать на пленум, помимо членов ЦК, еще несколько сотен человек не было бы большого резона. Но здесь как раз тот случай, когда история сослагательного наклонения иметь не может. Несомненно, эти вопросы мучили Михаила Васильевича всю его оставшуюся жизнь, несмотря на то, что она продолжилась весьма успешно. Он долгое время работал послом во Вьетнаме

▲ 2-й секретарь ЦК КП(б)Б М.В. Зимянин и 1-й секретарь ЦК ЛКСМБ П.М. Машеров в президиуме XX съезда КП(б)Б. Минск, 1952 год

и Чехословакии, возглавлял главную партийную газету «Правда», много лет являлся секретарем ЦК КПСС, был награжден пятью орденами Ленина, удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Н.С. Патоличев работал в Минске еще ровно три года. Воспоминания о себе он оставил хорошие. Например, архитекторы в один голос твердят, что в его лице республике тогда просто повезло на руководителя. Это при нем выполнены основные работы в рамках послевоенного восстановления столицы. Весьма теплые слова во время официального прощания сказал ему Якуб Колас, который называл его Миколам Сямёнавічам. Кстати, в книге «Совестью своей не поступишь» Патоличев утверждает, что идея создания Минского моря принадлежит именно Якубу Коласу. Классик белорусской литературы часто повторял, что крупные белорусские города расположены, как правило, на больших реках, а Минск в этом смысле не повезло. Немига исчезла, Свислочь обмелела, значит, надо подумать о водохранилище для минчан.

В июле 1956 года Н.С. Патоличев был переведен в Москву и тоже в Министерство иностранных дел, но на должность куда более высокую, чем та, которую тремя годами до этого получил Зимянин. Правда, Михаил Васильевич к тому времени пребывал уже в Ханое в кресле советского посла. Еще через полтора года Николай Семенович стал первым заместителем министра иностранных дел СССР. Однако спустя несколько месяцев был назначен на должность союзного министра внешней торговли, которую занимал двадцать семь лет. Был дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда, одиннадцать раз отмечен орденом Ленина, который являлся высшей государственной наградой в СССР – столько имел только маршал Д.Ф. Устинов.

Всевышний распорядился так, что и Зимянину, и Патоличеву для пребывания на грешной земле был отведен равный срок – 81 год каждому. Однако желание Михаила Васильевича никогда больше не встречаться с Николаем Семеновичем не сбылось. Предположить, что посол Зимянин в своей работе не пересекался с заместителем министра иностранных дел Патоличевым вряд ли возможно. Так же маловероятно, что не было контактов у главного редактора «Правды» и секретаря ЦК КПСС Зимянина

с министром внешней торговли Патоличевым. Вот что об этом написал Михаил Бублеев: «С Н.С. Патоличевым при встречах Зимянин держался предельно вежливо, но всегда соблюдал дистанцию и всячески избегал какого бы то ни было неофициального общения. Не скрывал своей антипатии к Зимянину и Патоличев. Хорошо знавший обоих журналист из «Правды» недоумевал: «Два умнейших человека так и остались непримиримыми, не смогли перешагнуть через личную неприязнь, глубоко засевшую в их сознании». Сам Патоличев в упомянутой книге о взаимоотношениях с Зимяниным не сказал ничего.

О белорусском периоде своего бытия Николай Семенович всегда вспоминал с исключительной теплотой. Он, конечно же, понимал, что в тот злополучный момент его судьба зависела не только от пленума в Минске. Случись так, что Берия взял верх в борьбе за власть, она вряд ли сложилась бы успешно. Да и тех, кто медлил с выполнением поступившей из Москвы установки или пытался что-то возражать, по голове не погладили бы. Но он был абсолютно уверен, что сопротивление его снятию на пленуме откровенно налицествовало. Ведь белорусским партийцам проще да и безопаснее было просто щелкнуть каблуками, тем более что с многими проводились специальные беседы о том, как следует поступить. По крайней мере, Якуб Колас признавался Патоличеву, что с ним она была. Кроме того, хорошо помня времена Цанавы, все знали, кто такой Берия. Спустя годы Николай Семенович говорил, что Берия рассчитывал сыграть на национальных чувствах, однако, «к счастью и великой чести белорусов, они никогда не страдали национализмом». Тогда, по мнению Патоличева, победил не он – тогда устояли как раз участники пленума.

А вот Зимянин до конца своих дней так и не согласился с тем, что его белорусы не приняли, что они отстояли Патоличева. По его мнению, так сложились обстоятельства. Об этом он сказал и в интервью газете «Звезда». Впрочем, сам себя и опроверг признанием: как только он сообщил участникам пленума о готовности Москвы изменить решение о том, кому быть первым секретарем, те «прагаласавалі, натуральна, за тое, каб прасіць Цэнтральны Камітэт партыі пакінуць таварыша Патолічава...».

Яков АЛЕКСЕЙЧИК